

С. Алексеев

Мальчиши

Рассказы

С. АЛЕКСЕЕВ

МАЛЫШИ

рассказы

Рисунки Т. Калининой

«Перинбург
кий рабочий»
2004

13 1 2004

*Эти рассказы были написаны для «внутреннего»,
семейного чтения — для моей правнучки — Алисы.
Поэтому их главный герой — она же,
девочка Алиса, еще малышка, дошкольница, а затем
(когда подойдет время) ученица младших классов школы.
Потом мои друзья и коллеги убедили меня в том,
что эти рассказы могут быть интересными
и для их детей, внуков. Но может быть, эти небольшие
зарисовки привлекут внимание и всех малышей —
дошколят, учеников и учениц младших классов школы.*

МЫШОНОК

У АЛИСЫ была тайна. То есть секрет, который никто не знал. Ни мама, ни папа, ни вообще никто.

А секрет вот какой. В том старом деревянном доме, в котором они жили, было множество мышей. Везде они сновали. Ужас какой-то. Потом их не стало. И папа часто говорил: «Я вывел всех мышей». И мама говорила: «Папе удалось вывести в нашей квартире всех мышей».

Но Алиса знала, что это не так. В ее небольшой комнате, до потолка забитой всякими игрушками, жил мышонок. Настоящий. Живой.

Алиса однажды собрала на диване всех своих девочек-куколок. И стала выбирать из них тех, которые могли бы составить старшую группу. А потом — провести с ними занятие — такое же, которое было у них вчера в детском садике. Им тоже будет интересно. Английский.

В это время Алиса услышала под шкафом какое-то легкое шуршание, царапанье.

Что это такое?

Из-под шкафа высунулась черная блестящая и какая-то живая точка, затем — усики и глазки как булабочные головки. Мышонок!

Алиса сначала испугалась, даже ноги подобрала под себя и поглубже села, прижалась прямо к спинке дивана. А мышонок между тем, вылез из-под шкафа и боязливо

оглядываясь, сделал несколько шагов по комнате. Но стоило Алисе только пошевелиться, как мышонка не стало — его будто сдуло, он вновь спрятался под шкафом.

Алисе стало жалко мышонка. «Он, наверное, есть и пить хочет. А я его только пугаю», — подумала Алиса.

Она нашла игрушечное блюдце, сбегала на кухню, налила в блюдце кипяченой воды, нашла корку черного хлеба, раскрошила ее на мелкие кусочки и все это положила на кусочке картона около шкафа — туда, где появлялся мышонок.

И как только Алиса забралась на диван, снова из-под шкафа появилась черная точка мышиного носика, усики, испуганные глазки, а затем вылез и весь мышонок. Он сразу же бросился к блюдцу — видимо, очень хотел пить. Затем подбежал к крошкам хлеба — одну съест, а другую несет под шкаф, и опять — одну съест, а следующую под шкаф, создает себе запас еды. «Вот здорово, — подумала Алиса — маленький, а хозяйственный, запасливый».

ВСКОРЕ Алиса и мышка подружились. Алиса, каждый раз после завтрака и ужина, а в выходные дни и после обеда прихватывала с кухни крошки (а блюдечко с водой у нее постоянно стояло на окне, рядом с цветком, будто бы для полива), и все это Алиса на маленькой фанерке ставила около шкафа. Только теперь не перед шкафом, а сбоку, за дверкой шкафа, чтобы не всем бросалось в глаза.

И мышонок точно знал, когда появится Алиса. Иногда его мордочка уже торчала из-под шкафа в часы, когда Алиса приходила после своего завтрака или ужина. А потому получалось так, что мышонок каждый раз когда Алиса появлялась в своей комнате, вылезал из своего укрытия. И находился в комнате все время, пока в ней была Алиса, стремительно убегая и старательно прячась в любом случае, если в комнате появлялся кто-то другой — мама и, в особенности, папа (мыши, наверное, точно знали, кто их «выводит»).

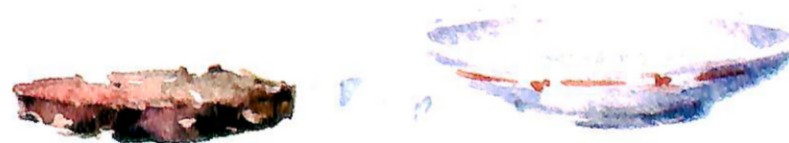
Мышонок любил смотреть, как Алиса играет с игрушками. Он не мешал Алисе, не лез в ее дела, а спокойно сидел в сторонке и внимательно, с интересом наблюдал за игрой. Алисе даже порой казалось, что мышонок как собачка помахивает своим коротеньким хвостиком. Мышонку, наверное, тоже хотелось поиграть. Да и Алиса с удовольствием включила бы его в свои игры. Но она не знала, как это можно сделать.

ОДНАЖДЫ мама во время завтрака сказала:

— У нас все же как-то пахнет мышами. Папа погрустнел и старательно обошел кухню, коридор, кладовку. Даже на коленях поползал по углам. Нет, никаких признаков мышей.

Тогда мама сказала:

— А давайте заведем кошку. Она-то не допустит никаких мышей.

Папа поддержал маму, но почему-то не очень энергично (он, наверное, считал, что все же «вывел всех мышей»).

Алиса совсем загрустила, даже перестала завтракать. Потому, что большая кошка непременно съест маленького мышонка.

И в этот момент Алисе пришла в голову прекрасная мысль. Она сказала обращаясь к маме: «Мама, а может быть нам завести котенка, он тоже не допустит никаких мышей, а я буду им заниматься». (Алиса подумала, что мышонок и котенок — дети, а дети всегда лучше чем эти взрослые, договорятся друг с другом).

ТАК и получилось.

Через день-другой мама принесла маленького котенка. Это был пушистый комочек, который состоял из четырех лапок, больших глазок, красного язычка и мяуканья-писка. Он все время пищал (наверное учился мяукать), переставая пищать лишь во время сна и в то время, когда лакал молоко. Мама сразу же отнесла котенка Алисе. Сказала:

— Вот котенок. Это — твоя забота. Следи и ухаживай.

И тут мама зачем-то повела носом, как бы принюхиваясь (может быть, она почувствовала, что именно в алисиной комнате «пахнет мышами»).

Алиса устроила из старой картонной коробки из-под игрушек кроватку для котенка. Положила туда матрасик из игрушечной кровати, вату, достала еще одно блюдечко из игрушечного набора кухонной посуды.

Потом Алиса сбегала на кухню и принесла чашку с молоком. Молоко она налила в блюдце и нарочно поставила его около шкафа, недалеко от блюдца с водой.

Алиса сначала просто сняла котенка (она сразу же назвала его Пушком) с дивана, куда его положила мама. И поставила котенка лапками на пол, думая, что он сразу же побежит к блюдцу с молоком. Но котенок бесцельно бродил по комнате, что-то обнюхивал, в одном месте оставил небольшую лужу («Придется, — подумала Алиса, — приучать его к туалету»).

Алиса взяла котенка за шиворот, поднесла к блюдцу с молоком, и легонько ткнула его мордочкой в блюдце. Лишь после этого Пушок, облизываясь, и сам лакнул из блюдца несколько раз, после чего ушел в угол комнаты и улегся там среди каких-то тряпочек. Туда же Алиса перенесла коробку-кровать. Может быть, сам догадается, что это его кровать?

А где же мышонок? Наверное, сидит под шкафом и дрожит.

Алиса подлила в блюдце еще водички. Положила рядом несколько крошек белого хлеба и один маленький кусочек колбаски. Забралась на диван и стала ожидать — что будет?

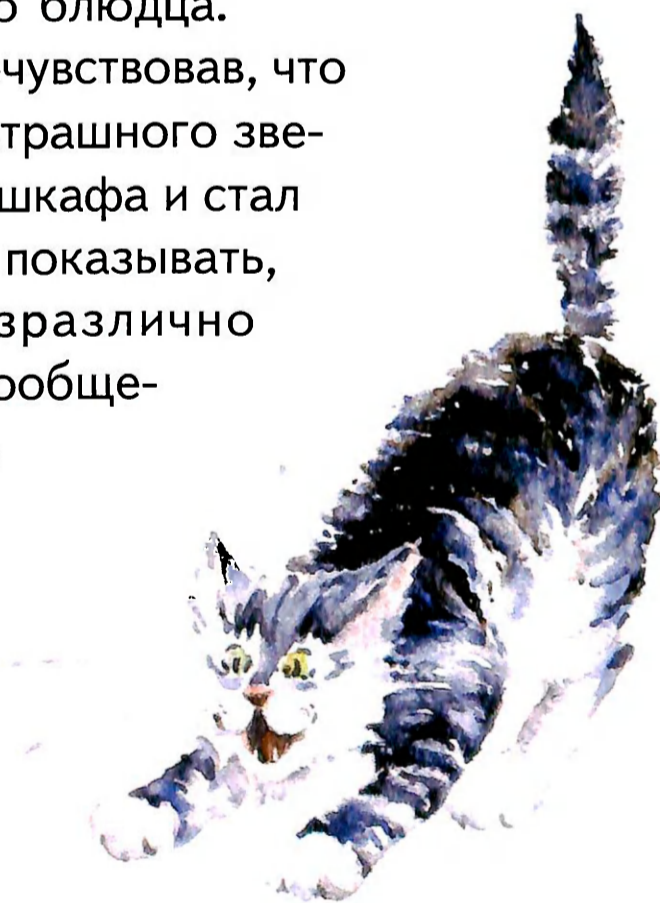

ПРОШЛО несколько минут и из-под шкафа сначала показался черный мышиный носик, а затем вылез и сам мышонок и стал потихоньку подкрадываться к своему блюдцу с водой, крошкам хлеба и кусочку колбасы. Делал он все это очень осторожно и боязливо, чувствуя, что где-то рядом есть что-то чужое и страшное.

И действительно, Пушок, который казалось крепко спал, вдруг вскочил на лапы, изогнулся горбиком, зашипел и быстро отправился туда, где был мышонок. Но Алиса успела перехватить котенка и поставить его около блюдца с молоком. Пушок лакнул молоко несколько раз. Мышонок тем временем вновь спрятался под шкафом.

Так повторилось несколько раз. Причем Пушок, когда из-под шкафа появлялась мышка, стал со временем устремляться не к ней, а к своему блюдцу. Он даже потом вообще улегся около блюдца.

Но тогда и мышонок, почувствовав, что не его персона интересует страшного зверя, осмелел и вылез из-под шкафа и стал несколько демонстративно показывать, что ему совершенно безразлично блюдце с молоком (что вообще-то было неправдой), его же интересует другое блюдце — то, где простая водичка.

Главное же, он краешком глаза видел, что рядом была Алиса. А Алиса — его, мышонка, друг. Друг же — это не просто товарищ, который с тобой играет или позволяет находиться там, где ты играешь, а тот, кто тебе поможет в трудную минуту.

Словом, прошло несколько дней и Алиса могла наблюдать, как Пушок и мышонок спокойно могли находиться рядом друг с другом. Мышонок не прятался под шкаф каждый раз при виде котенка. А Пушок, со своей стороны не изгибался горбом, как только почувствует мышку. Алиса видела даже однажды, как мышонок подошел к блюдцу, из которого лакал Пушок, и тоже лакнул несколько раз. Правда, всего лишь несколько раз, не больше. Они, как говорят взрослые, *сосуществовали*. Но и это, как понимала Алиса, было замечательно.

ЛЕТОМ Алиса уехала на дачу. Пушок поехал вместе с ней. Он быстро рос и теперь все больше становился настоящим котом.

А мышонок остался в старом деревянном городском доме. Алиса очень горевала расставаясь с мышонком. И не напрасно.

Однажды, вернувшись с работы, папа (папа и с дачи каждый день ездил на работу) сказал, что они с осени будут жить в новом каменном доме. И тут папа добавил, что при перевозке мебели он присутствовал при разборке

старого деревянного дома. «И там, под полом, — сказал он, — было найдено мышиное гнездо (ты была права, — добавил он маме, — что у нас пахнет мышами)». «Пришлось, — сказал папа, — и это гнездо отправлять на помойку».

При этих словах у Алисы — кап, кап — невольно закапали слезы.

— Это что за слезы у тебя, — сурово спросил папа у Алисы. Тут Алиса громко расплакалась, ушла на чердак и там рыдала долго-долго. Пришла мама, и, ничего не спрашивая, обняла дочку. И Алиса все рассказала маме. Всю эпопею с мышонком.

Мама сказала:

— Ладно, я тебя понимаю. Успокойся. Мы как-нибудь поправим дело.

К КОНЦУ лета, когда Алиса прямо с дачи приехала в свою новую квартиру, она в своей комнате увидела на столе домик-клетку. А в нем мышку. Только белую.

Мышка была куплена в зоомагазине. Она была ручная. Даже дрессированная. Гладкая и упитанная. Спокойно, не боясь ничего, ходила по комнате, забиралась на диван, на стулья, даже на стол. Позволяла брать себя в руки, ползала по плечам, по спине.

Пушка теперь папа и мама не пускали в комнату Алисы. Белая мышка была дорогая. И кто его знает, что с ней мог сделать этот, теперь уже громадный кот (он уже на даче подкрадывался к птичкам, однажды принес и положил к ногам папы полузадушенную, видимо, им же пойманную полевую мышь).

— Ну, как? — зайдя в комнату Алисы и кивнув на белую мышку, спросила как-то мама.

— Ничего, — грустно ответила Алиса.

Ей, действительно, все эти дни было грустно. Особенно, когда она вспоминала «свою» мышку, осторожно выходящую из-под шкафа. Даже слезки накатывались. Алиса твердо знала — об этом часто говорили папа и мама — что «эти мыши» «переносят заразу», «портят пол и мебель». Но она теперь твердо знала и то, что такое настоящая дружба между ней и маленькими зверятами, зверятами-детками.

Может быть подружиться и с этой белой мышкой? Пусть она и как-то дрессирована, куплена в магазине как игрушка и живет в клетке...

СИНИЧКИ

ЗИМА в этом году задержалась. Осень уже давным-давно закончилась, а зимы все нет и нет.

Но вот, наконец, сегодня прямо с утра пошел крупный, пушистый снег.

Алиса встала у большого окна, которое выходит на балкон, и не отрываясь смотрела на снежинки. В садике — так повезло! — объявили карантин (двое малышей из средней группы заболели свинкой — надо же болезнь с таким поросячьим названием!) и по этой причине до понедельника садик закрыт. Мама договорилась на работе, что будет приходить на службу к обеду, папа постарается возвращаться с работы несколько раньше, чем всегда. Так что дома постоянно будет кто-то из взрослых. Да и часок-другой Алиса может посидеть дома и одна, ничего страшного.

А ведь снежинки, как известно, не просто комочки снега, а небесные звездочки — ажурные и изящные. Правда, звездочки быстро исчезающие, как и все небесное, — они тают или слипаются с другими, и тогда на самом деле становятся просто снежными комочками. Но как раз у окна их хорошо можно разглядеть. Снежинки налипают на оконное стекло, и тогда хорошо видно, какие они замысловатые и красивые, изящные и стройные. Недаром именно такие звездочки, вырезанные из серебристой бумаги, сияют на елках. Хотя, в действительности, настоя-

щие снежинки куда красивей и изящней, — волшебство какое-то.

Неожиданно на перила балкона сели две птички. Такие же как снежинки, изящные и аккуратные. А цвета у них будто специально подобранные — желтоватые, красные, синие, черные, и все это очень красиво сочетается.

Алиса закричала: «Мама, мама!».

— В чем дело? — спросила мама, выходя из кухни.

— Ты посмотри, какие красивые птички прилетели!

Мама подошла и сказала: «Да это же синички. Ты их много раз видела и в лесу на прогулках, и в городе в скверах. (Мама была права, только она не заметила, — подумала Алиса, — что они сейчас, зимой какие-то другие, чем-то похожи на снежинки, только все в красивых цветах).

А мама тем временем сказала: «Надо подкармливать синичек. Они любой холод могут перенести, им зимой только корма не хватает». «Давай, — добавила мама, — попросим папу, чтобы он сделал кормушку. И ты будешь подкармливать птичек».

ПАПА, как и было обещано, пришел раньше, чем обычно. Мама и Алиса сразу же попросили его сделать кормушку. Но папа заперся в своем кабинете — у него была срочная служебная работа.

— Потом, потом, — сказал он, когда за ужином речь вновь зашла о кормушке. Если обещал, — сделаю...

И действительно, когда папа ее сделал, неизвестно (наверное поздно вечером, когда Алиса уже крепко спала), но к утру кормушка была готова. И не только сделана (фанерка с брусочками по краям, и крючки, чтобы прицепить на проволоке кормушку), но и прибита к раме окна, которое выходит на балкон. А мама тем временем, рано утром сходила и купила у уличных продавцов семечек, насыпала их в стеклянную банку и поставила на подоконник.

И когда Алиса проснулась, сделала все свои туалетные дела и позавтракала, мама взяла ее за руку и подвела к окну.

— Видишь кормушку, — сказала она, — оденься и можешь насыпать туда семечки.

Алиса накинула на плечи курточку, обвязала шею шарфом, надела вязанную шапочку и, забравшись на подоконник, через форточку насыпала из банки на фанерку семечки.

Но синички не прилетели. Где же они?

Зато через некоторое время прилетела большая стая воробьев и все они гурьбой сели на кормушку. Потом прилетела еще одна стая воробьев и даже несколько голубей. Они все пытались уместиться на фанерке, толкались, налезали друг на друга, семечки даже через брусочки, прибитые к краям фанерки, летели на пол балкона.

И вдруг, Алиса увидела, что на перилах балкона опять сидят две синички. Наверное те же, что и вчера. К ним тут же присоединилась еще одна пара синичек («Смотрите-ка, парами летают — семьи», — подумала Алиса). Сидят синички на перилах и не смеют даже подлететь к кормушке. Такие там суматоха и гвалт. Да там уже ничего и не осталось. Воробьи и голуби все уже съели, частично разбросали и сейчас ходят по балкону — доклевывают. Что же делать?

Алиса снова накинула куртку и надела шапочку, и че-

рез форточку насыпала в кормушку из банки еще семечек. Не прошло и нескольких минут, как стая воробьев и голуби, устроив настоящую свалку, склевали и эти семечки. А синички — их уже было шесть (три пары), продолжали безмолвно и покорно сидеть на перилах балкона.

— Мама, — снова крикнула Алиса, — что делать? Воробьи склевывают все семечки, а синичкам ничего не остается!

Мама подошла, посмотрела на кормушку, на сиротливо сидящих синичек, и сказала: «Мы же не сказали папе о том, что нам нужна кормушка для синичек. Вот он и сделал кормушку для всех птичек».

— Мне вспоминается, — продолжила мама (как бы раздумывая вслух), — что около нашей работы школьники развешивали в сквере особые кормушки. Из картонных коробочек из-под молока и кефира, каждая с вырезанным небольшим окошечком. Не для синичек ли они были предназначены? Их сделать, как я понимаю, совсем нетрудно. Давай, попробуем? Неси ножницы, — скомандовала она Алисе.

Мама достала из холодильника картонную коробку с

остатками кефира. Вылила кефир в чашку. Затем промыла коробку и протерла ее изнутри полотенцем. После этого они вместе с Алисой вырезали чуть ниже середины одной из стенок коробки круглое отверстие (такое, чтобы синичка могла попасть в коробочку).

Все это потребовало совсем мало времени. Мама и Алиса привязали к крышке коробочки веревочку, насыпали через отверстие маленьким, игрушечным совочком семечки и мама через форточку повесила на гвоздике новую кормушку выше той, которую сделал папа (но так, чтобы Алиса могла достать до отверстия — подсыпать корм, если это потребуется). Потом, закрыв форточку, мама с Алисой сели поодаль на диван и стали ждать, что из всего сделанного ими получится.

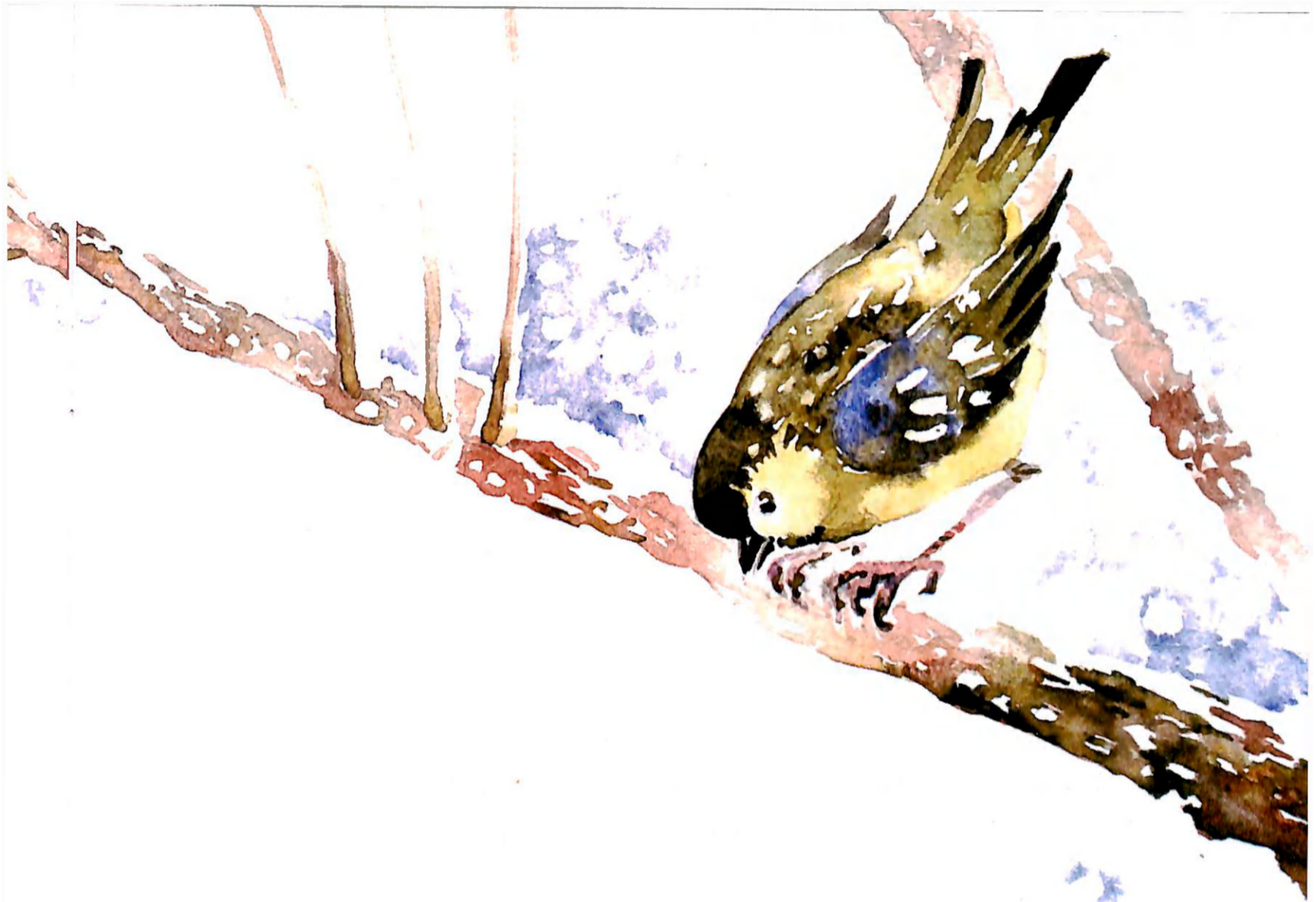
ЧЕРЕЗ некоторое время вновь появились воробьи. Они прилетели большой стаей. Некоторые из них пролетели около новой кормушки, один посидел на крышке, пытаясь через отверстие заглянуть внутрь — что там?

И вдруг, стремительно прилетели синички. Кажется, та же самая пара которая была вчера и первой появилась

сегодняшним утром. И тут, не долго думая и не обращая внимания на сидящих вокруг воробьев, одна из синичек стрелой взмыла вверх, прямо к окошку новой кормушки, зацепилась за его края лапками, и наполовину просунувшись в отверстие, схватила в клюв семечко. И опять, стрелой перелетела на ближайшее дерево, там нашла щелочку или другое удобное место, и, прижав семечко лапкой, стала расклевывать его, доставая ядрышко.

Точно также поступила вторая синичка. А вслед за ними и другие синички, которые неожиданно, пара за парой прилетели на балкон (Алиса насчитала 12 или 14 синичек).

Разделавшись с семечком, когда ядрышко мгновенно исчезло как желанное лакомство, синичка тут же отправлялась за новым семечком, стремительно взлетая к отверстию новой кормушки и чуть ли не на лету схватывая семечко, и тут же возвращалась на дерево — разделывать добычу.

Алиса поразилась необыкновенной, если можно так сказать, воспитанности синичек. Они не толкались, не мешали друг другу, не стремились друг друга опередить, а спокойно и, всегда спустя какие-то мгновенья, как предшествующая синица уже улетела, взлетали к кормушке. И

всегда, как подметила Алиса, по очереди. Во всяком случае хотя бы приблизительно по очереди, может быть, по «своей синичьей», нам не очень ведомой.

Мама с Алисой иногда долго наблюдали за этой сказочной картиной. Прямо-таки картина из какой-то волшебной сказки. Однажды папа совсем рано пришел с работы и тоже вместе со всеми долго наблюдал за синичьей круговертью. Тоже очень удивлялся. Специально посмотреть на синичек приезжали бабушка с дедушкой, просили Алису и им соорудить такую кормушку:

— Тогда, Алисочка, и ты всегда будешь с нами. Для стариков главная беда — одиночество. Здесь же — такая радость.

А КАК ЖЕ воробьи?

Они с раннего утра, еще раньше синиц прилетали к кормушке. Семечки в кормушке, судя по всему, манили их с большой силой.

Но воробьи почему-то боялись брать семечки из окошка кормушки. Или не умели делать этого. Или что-то другое удерживало их. Некоторые из них подлетали к око-

шечку, зависали, часто махая крыльями, около окошка, но дальше, как говорится, ни шагу.

«Впрочем, — как подумала некоторое время спустя Алиса, — воробьи не заслужили пользоваться кормушкой». «Они, — как думала Алиса, — какие-то невоспитанные, совсем неучи. Почти как хулиганы. Или что-то в этом роде».

И действительно, спустя некоторое время воробьи все же отважились подлетать к окошку кормушки. Но это — вот такая невоспитанность! — обернулось новой бедой. Тот воробей, который оказывался первым, надолго залезал внутрь коробочки. Там же клевал, разделявая семечки. Наедался до отвала, делал там все свои дела (так, что Алисе приходилось каждое утро вытрясать из коробочки все их безобразия). Причем воробьи делали все так, что один воробей сидит внутри кормушки и там клюет семечки, а другой забивался в створ окошка, и в кормушку больше никто не мог проникнуть. Бедные же синички в это время сидят на перилах балкона, ожидая — увы, без надежды — что и им откроется путь к кормушке.

Алиса, наблюдая это все, удивлялась и сердилась. Смотрите-ка, такие же ужасные вещи, которые бывают и

у людей. У детей и у взрослых тоже. Точь-в-точь. Алиса иногда стучала по стеклу и воробьи, будто зная, как и любые хулиганы, что делают плохое дело, сразу же улетали. И тогда синички, вновь, одна за другой, прилетали к кормушке, как всегда разделывая семечки на ближайшем дереве.

Однажды утром, Алиса прибежала к маме на кухню:

— Мама, мама, пойдём посмотрим, там настоящие чудеса!

Мама сразу же оторвалась от разделывания курочки, которую она готовила на обед: «Хорошо, — сказала она, — только ты мне потом поможешь чистить картошку».

И они обе побежали к окну, где находились кормушки для птичек.

Оказывается, некоторые воробьишки (наверное, из числа воробьиной молодежи) стали, как и синички, не залезать внутрь кормушки, а брать в клюв семечко и улетать его разделывать (правда, как обнаружила мама не на дереве, а на скамейки, стоящие около дома).

— Да, это чудеса — согласилась мама.

А Алиса поняла нечто очень важное — значит доб-

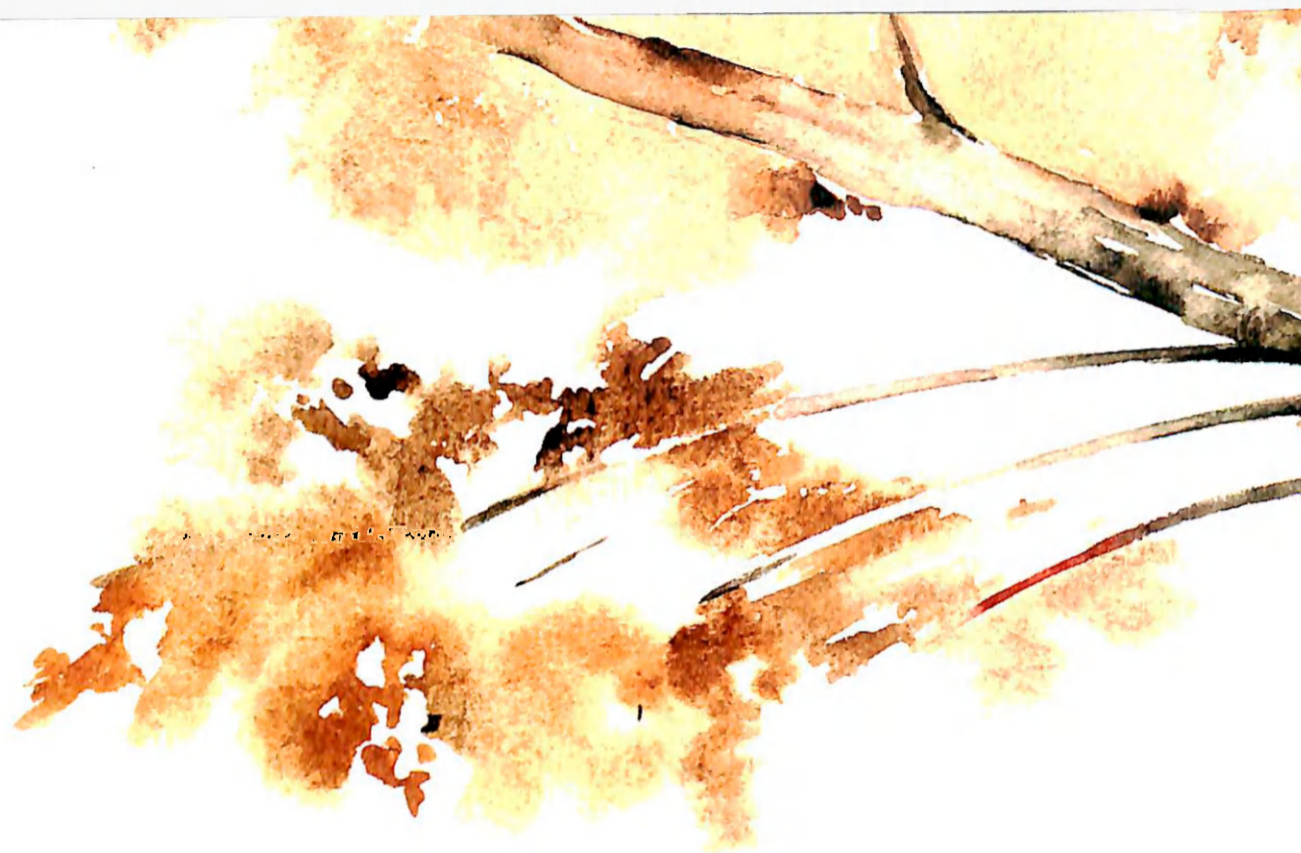

рые, благородные поступки могут постепенно учить других, побеждать даже среди птичек. Нужно только, чтобы был хороший пример.

ВЕСНОЙ, ближе к лету синички улетели. У синиц была своя, особая синичья жизнь. Алиса сняла с окошка обе кормушки и спрятала их вместе с остатками семечек в шкаф, где лежали всякие хламные вещи.

Быстро прошло лето. Настала долгая хмурая осень. Однажды под вечер, когда мама уже пришла с работы, Алиса сидела за столом в своей комнате (она была рядом с «общей» комнатой, которая выходила на балкон) и рисовала картинку «Осень» — выполняла задание воспитательницы их старшей группы. Дома было тепло, батареи уже включили, а за окном свистел холодный ветер, падали первые снежинки.

Алиса сначала не обратила внимания, что по стеклу окна кто-то тихонечко постукивает. Наконец, она подняла голову — и ахнула. По окну, глядя на Алису, стучала синичка. Поодаль, на дереве, сидела другая синичка, чуть поменьше, видно подружка той, которая стучала.

Алиса сначала ничего не могла понять.

Но тут раздался голос мамы, которая по каким-то делам зашла в алисину комнату:

— А ведь синички, просят тебя повесить кормушку. Мы ведь опоздали сделать это.

«А может быть, не просто просят», — сразу подумала Алиса. Передавала же воспитательница слова какого-то умного писателя: «Мы в ответе за всех, кого приручили». Может быть, мы в ответе и за добро, которое мы делаем. И это еще важнее. *Если однажды сделал доброе дело (может сначала просто так — для забавы), — делай его и потом. Всегда.*

Алиса стремглав выскочила из-за стола и, — бегом к «хламной кладовке». Нужно сейчас же найти синичью кормушку и семечки оставленные в конце прошлой зимы.

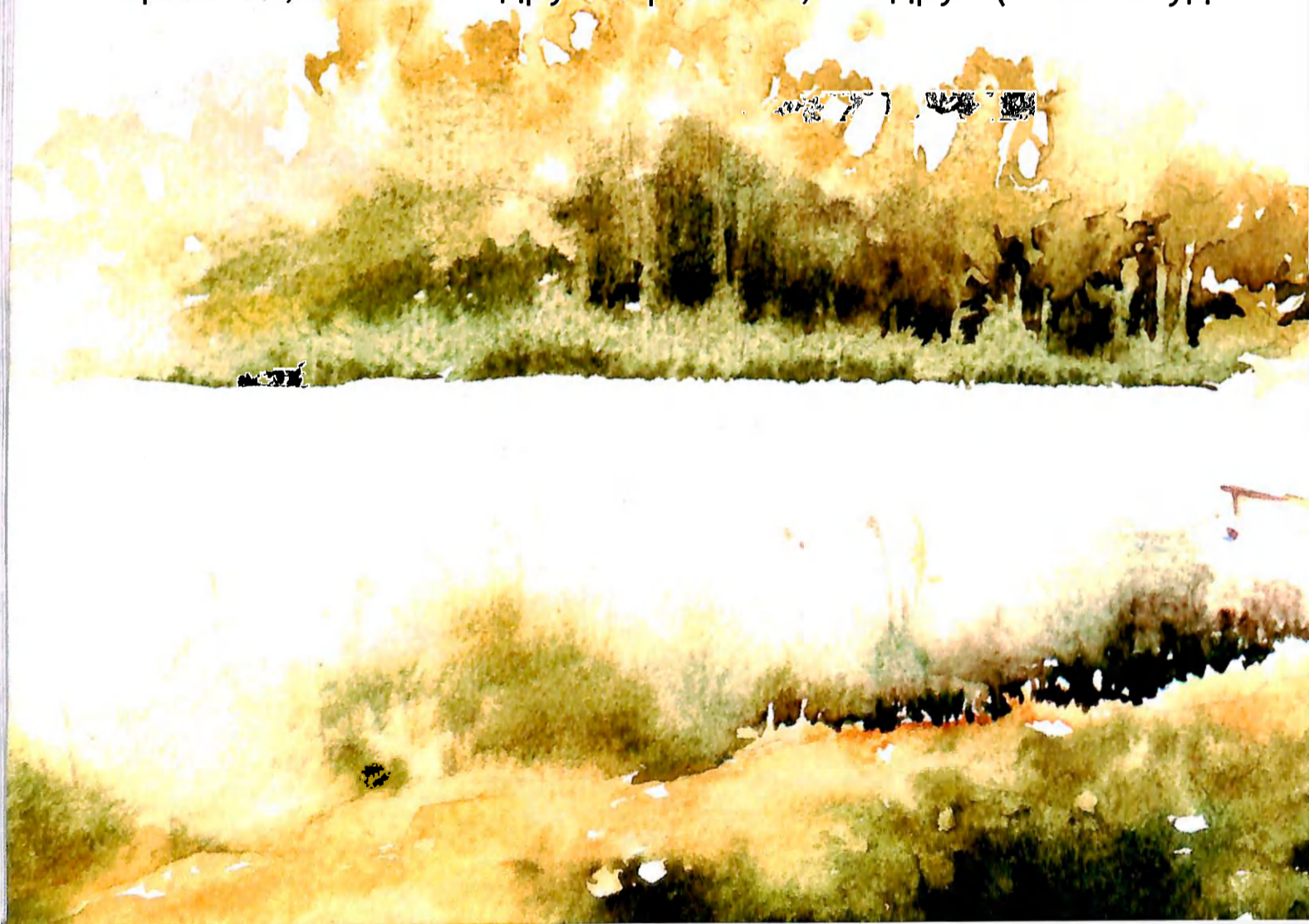

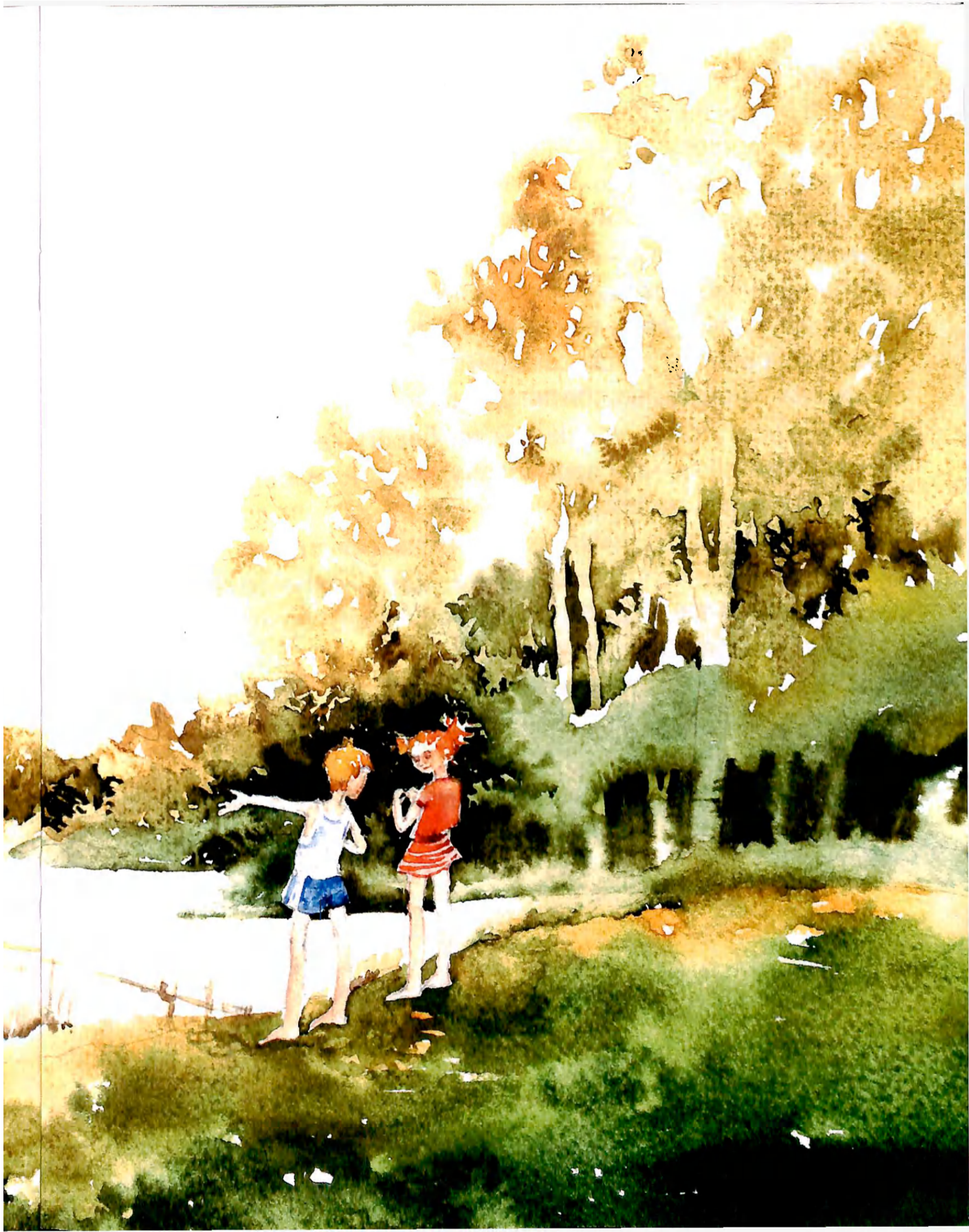
АЛИСА В КРАЮ БОБРОВ

В тот год, когда Алиса закончила первый класс, она летом отдыхала вместе с двоюродным братом Васей на даче у бабушки.

Бабушка здесь живет постоянно и даже имеет корову. Боже мой, сколько с ней хлопот, бабушка еле справляется. Да и вообще среди дачников, да и жителей деревни, коров почти никто не держит.

Бабушка Васи всю жизнь трудилась без устали в университете, затем на других работах, и вдруг (вот все уди-

вились!), бросила все городские дела и городское житие, выехала жить на дачу и, вопреки всему, завела корову. Сейчас и со здоровьем, кажется, все в порядке.

Вася парень хороший. Товарищ. Не задается. Девочек не обижает. Когда надо, поможет — принесет ведро воды, вынесет мусор, поможет бабушке и вообще, как говорит бабушка, — «безотказный».

Вчера целый день показывал Алисе, как удят рыбу на маленьком озерке со сбегаящей из него речушкой. На месте ловли — рогатина вбитая в воду у берега, чтобы класть удочку. Один конец удочки — на берегу, ее середина — на рогатине. Так что держать удочку в руках не надо. Действительно, здорово.

Поплавок вдруг нырнул. Вася схватил удочку в руки, резко выхлестнул удилице, и на конце лески оказалась маленькая трепещущая рыбешка. Вот чудо!

Вася помог оборудовать удочку и для Алисы (чуть покороче), показал, где можно на огороде накопать червяков. Там и лопата, воткнутая в землю.

Солнце ударило Алисе в глаза. Она сразу соскочила с кровати, так как у нее был план. Свой план, о котором она

вчера вечером сказала бабушке. Алиса оделась, удочка с двумя баночками (для червей и для рыбы) были за дверью. Сбегала на край огорода к навозной куче, действительно, копнула два раза рядом стоящей лопатой и, на тебе — полбанки червяков — красных, длинненьких и толстых. Очень противных (в особенности, когда они толстые). Как на них зарятся рыбешки? И надевать их на крючок удочки противно.

Вот и берег. То же самое место, где они были с Васей, с той же рогатиной, вбитой в воде у берега, чтобы класть удочку.

Алиса зацепила на крючок червяка — красного, извивающегося, да так, чтобы кончик острого жала ощущался пальцем (так вчера Вася наставлял — « жало » это самое острие крючка).

Забросить удочку сразу по-настоящему не удалось. Не до конца размоталась леска, и поплавков, и крючок с грузилом и с извивающимся червем вместе плюхнулись в воду не так уж далеко от берега. Но вдруг, несмотря ни на что, поплавок повело куда-то в сторону, леска натянулась и попавшая на удочку рыбешка мелькнула у поверхности воды.

А потом произошло новое событие.

Неожиданно поплавок замер, передняя часть лески обмякла, потом поплавок вообще скосился набок. Алиса быстро достала удочку из воды. И очень удивилась. Конец лески, там где была пойманная рыбка, оказался как бы отрезанным. Будто ножом. Или ножницами.

Но еще больше удивилась Алиса, когда увидела, что рыбка с концом лески плывет к другому берегу — туда, где трава и камыши. И казалось, кто-то помогает ей плыть в ту сторону. Плывет рядом и подталкивает...

— Ну, нет, — подумала Алиса, — мою первую пойманную рыбку кто-то забирает. Безобразие.

Алиса быстро сбегала на дачу, заменила свои сандалики на резиновые сапожки (берег на той стороне озерка был болотистый, мокрый), вернулась к озерку и стала пробираться сквозь заросли на другой берег. Особенно трудно было перейти через речушку, вытекающую из озерка. Речушка маленькая, а вода в ней бежит жутким бурлящим потоком. Перейти этот поток можно только по большим мокрым камням.

Ну что ж, по камням, так по камням. Разве нельзя перепрыгнуть с одного камня на другой? Сказано — сде-

лано. Алиса, больше не раздумывая, с берега скакнула на первый камень, потом, не останавливаясь, на второй, а вслед за тем — и на третий, самый большой, с острыми углами.

И вот тут случилось несчастье. Спрыгивая на другой берег, Алиса поскользнулась, споткнулась о какую-то противную корягу и полетела кувырком, да так, что больно ударилась ногой о пень, из колена потекла кровь... закружилась голова, все кругом померкло, глаза сами собой закрылись.

Когда Алиса открыла глаза, она почему-то ничему не удивилась. Хотя удивляться было чему. На нее, прямо глаза в глаза смотрел зверь. Глаза у зверя большие-большие и добрые-добрые. «Бобер, — подумала Алиса, — причем старый». Брови были у него лохматые, шерсть от бурочерной переходила в серую и заканчивалась щетинкой белых волосков.

Старый бобер чуть шевелил губами, как бы негромко хрипел. Он что-то говорил. И Алиса то, что говорил бобер, сразу поняла.

— Не бойся, — говорил Бобер — мы тебе поможем.

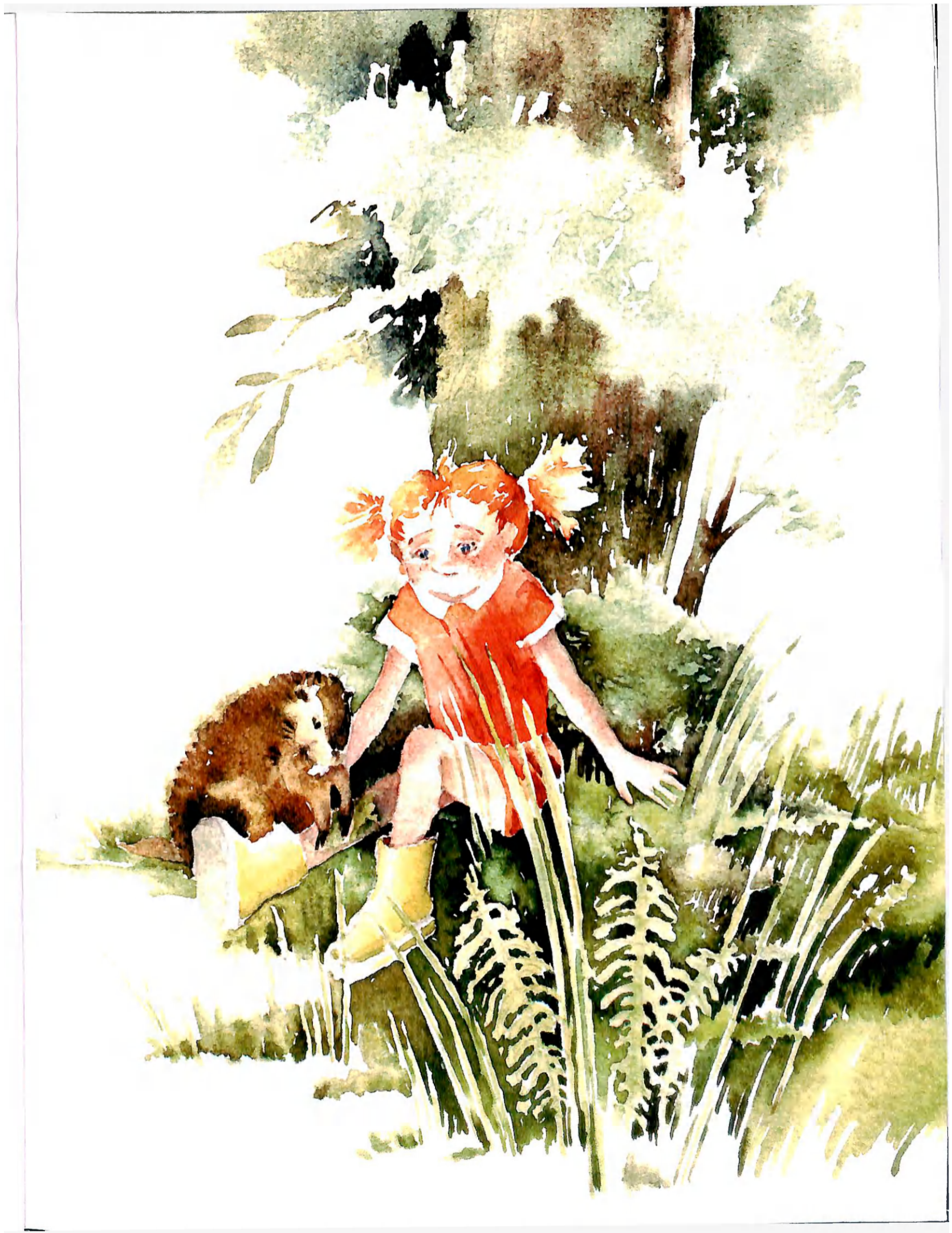
— А я и не боюсь, — громко сказала девочка. Скопив глаза, она увидела, что около ее колена, из которого, как она помнила, брызнула кровь, возится еще несколько бобров. Один облизал ранку шершавым и мягким языком, другой облепил ранку чем-то липким и немножечко жгучим, наконец третий, точнее — третья (Алиса сразу увидела, что это пузатенькая бобриха, которая, видно, скоро станет мамой), сразу же улеглась на колени — согревает.

Бобер пошевелил губами.

— Ты подожди, — поняла Алиса — скоро к тебе придут друзья. И он куда-то укувылял. На соседний пенек взгромоздился большой бобер («Сторож» — решила Алиса).

Лежать было хорошо, наверное, бобры подложили мох (Алиса потрогала рукой — действительно, под плечом был мягкий мох). Солнце потихонечку выплыло из-за березок и поднялось до высокой сосны. Стало тепло. Бобриха подняла голову, внимательно и долгим взглядом посмотрела на Алису. Алиса покачала головой: «Нет, не уходи, мне хорошо, когда ты согреваешь мне колени. И вообще, когда ты и Сторож здесь».

Неожиданно раздались ребячьи голоса (послышалось: «Где? где?») и к тому месту, где лежала Алиса, подошли двое ребят. Одного из них Алиса знала. Кажется, даже хорошо знала. Это был пятиклассник из их школы Борис («Боб», как все его называли). Он был какой-то гордостью школы. Только и слышалось — «Борис Величкин», «Борис Величкин». Да и Алиса давно его заметила. Очкарик и какой-то сухарь подмоченный, вечно шаркает ногами. Вечно все что-то думает. Ни на кого даже не посмотрит.

Но, оказывается, Боб знал Алису.

— Что с тобой Алиса? — спросил он, — вставай, тут недалеко переход. Мы тебя проводим.

Бобры куда-то все исчезли. Алиса встала на ноги. Колено совсем не болело. Будто бы ничего и не случилось.

Переход через речку — маленький мостик, оказался совсем рядом. Рядом с мостиком была глубокая яма, соединенная небольшой протокой с речкой. А в ней, Алиса увидела сразу, плавает ее рыбка, которую она не так давно поймала. Рыбка, наверное, тоже узнала Алису, она поднялась к поверхности и высунула голову, наверное хотела показать, что на ней нет лески (но ребята рассказали, что это маленький судачок, очень ценная и редкая порода рыбы,

бобры их берегут). На краю ямы Алиса увидела еще несколько обрывков лески и даже целый поплавок.

— Твой дом рядом, шагов тридцать по тропке вдоль речки — сказал Боб. И добавил: «Мы на днях как-нибудь к тебе заглянем. Ладно?».

— Ладно, — ответила Алиса. И добавила: «Спасибо, ребята».

По дороге она отвязала от брошенной на берегу своей удочки остатки лески («Отдам вечером Васе»). А удище воткнула в землю, поближе к воде, вдруг из него вырастет дерево?

После этого Алиса подружилась с ребятами-старшеклассниками. И были у них даже приключения. Но это — особый рассказ, даже повесть.

А связали их крепкой дружбой бобры, которые жили в этом крае.

СОРОЧОНОК

В ТО ЛЕТО, когда Алиса закончила третий класс, она с мамой отдыхала на даче у старинной маминой подруги — тети Галя.

Тетя Галя — одинокая, у нее нет ни детей, ни внуков. Мама и тетя Галя дружат еще со школы. Вместе учились в университете. Вместе работали педагогами в техникуме. Занимались спортом. Особенно тетя Галя. Потом тетя Галя тяжело заболела. Как говорит мама, — еле выкарабкалась (мама пропадала в больнице неделями, доставала какие-то мудреные лекарства, часто плакала, вернувшись из больницы).

Теперь тетя Галя постоянно живет за городом. Скучает. Поэтому уже давно приглашает маму пожить у нее «с ребеночком» месяц-другой. У нее большой огород, сад, а главное — напротив крыльца красивая зеленая поляна. На поляне можно играть в мяч, прыгать на скакалке или просто сидеть в кресле-качалке читать книжку. Или — рисовать в альбоме цветными карандашами.

В тот день, уже после обеда, Алиса решила почитать. Но только она нашла свою любимую книжку о мальчике-фокуснике, и, выйдя на поляну хотела устроиться на кресле-качалке, как вдруг замерла как вкопанная. К ее ногам упала птичка.

Да, — упала. Не спорхнула, не слетела, а именно упала, плюхнулась.

Что это за птичка? И что с ней?

Птичка не маленькая, даже побольше воробья или синички. Но она, как видно по всему, — еще птенчик. Какой-то неуклюжий птичий недоросток. Почти уродец. Голова с клювом большая, остренькая, а шейка тоненькая, кое-где вместо перьев, и так редких, просто пушок и даже просвечивает розовая кожица.

Птенчик приподнялся на ножки, попытался взмахнуть крылышками с редкими перышками и тут же снова упал, словно рухнул.

Алиса положила книжку на кресло и стала осторожно протягивать руку к птенцу, чтобы помочь ему встать. Но птенчик неожиданно весь встрепенулся (наверное, очень испугался) и, слегка приподнимаясь, отталкиваясь ножками и крылышками, стал отлетать в сторону, в густую траву.

«Что же делать?», — сама себя спросила Алиса.

В ЭТО ВРЕМЯ на крыльцо вышли тетя Галя и мама.

— Боже мой, — воскликнула мама, увидев дочку и отлетающую от нее птичку, — да это же сорочонок или сорокчонок, не знаю как сказать! Птенчик из сорочьей семьи!

— Да, — подтвердила тетя Галя, — это маленькая сорока, сорока-детка.

И тут Алиса сразу же вспомнила. Конечно же, — это маленькая сорока. Этих сорок немало у озера, где по воскресеньям гуляет Алиса с папой и мамой. Они то летают стаями, то поодиночке мелькают между деревьями, то сидят на высоких деревьях. Иногда какой-то базар или митинг у них происходит. Крик стоит страшный.

— Откуда же этот сорочонок взялся? — спросила мама.

— А тут есть сорочье гнездо — ответила тетя Галя, — кажется вон на той березе (и тетя Галя показала на березу вплотную стоящую около дома). Они, сороки, вся сорочья семья, сначала жили в саду нашего соседа, пенсионера, бывшего какого-то крупного работника, Виктора Павловича. Но он их прогнал, по его словам сороки — хищники, вроде кошек, они, наверное, и склевали птенцов в скворечнике.

— Я уже заметила, — переходя на дружелюбный тон, продолжила тетя Галя, — маленькие птенчики из сорочьей семьи, не дождавшись времени, когда они совсем повзрослеют, иногда сами вылетают или выпадают из гнезда. «И этот, наверное, такой же», — предположила тетя Галя.

Алиса вместе с тетей Галей и мамой стали внимательно рассматривать березу, ветку за веткой. И, действительно чуть ли не на самой макушке дерева они увидели большое, из сухих веточек гнездо. Алиса услышала даже, и это ей вовсе не показалось, какое-то пищание из гнезда («Это, — подумала Алиса, — птенчики потеряли своего брата или сестренку, волнуются»).

— Что же все-таки делать? — на этот раз спросила мама.

И ТУТ ТЕТЯ ГАЛЯ предложила: «Давайте, возьмем длинный тонкий шест (у нас он есть, лежит за сараем), закрепим на его конце старую миску, и поднимем птенчика обратно в гнездо».

Так и сделали. Точнее — начали так делать. Алиса сбегала за шестом, тетя Галя с мамой прибили гвоздем к концу шеста старую глубокую миску. Алиса положила на дно миски мягкую травку. И когда тетя Галя с мамой приподняли конец шеста с миской, Алиса побежала за птенчиком. На удивление, сорочонок сразу же дался ей в руки. Только мелко дрожал и испуганно вертел головкой. А после того, как Алиса посадила его в миску (птенец, кажется, все понял, он плотно прижался ко дну миски), они втроем — тетя Галя, мама и Алиса — стали поднимать шест с миской, в которой сидел птенец, к гнезду на дереве.

Но из этого ничего не получилось. Шест, как ни старались тетя Галя, мама и Алиса так и не удалось поднять на ту высоту, где находилось гнездо сорок. До гнезда оставалось еще несколько метров. Да и сам птенец не пытался хотя бы выбраться из миски и перепрыгнуть на дерево. Он, кажется, еще больше прижался ко дну миски и поднял

громкий крик и писк вместе другими птенцами, которые находились в гнезде. К тому же и шест стал все больше раскачиваться, прямо вырываться из рук. Поэтому тетя Галя, мама и Алиса потихонечку опустили шест.

Алиса снова взяла сорочонка в руки, он сразу же дался и, потихонечку вздрагивая, тихо сидел в ее руках. Даже умудрился как-то прижаться к ладошкам.

НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ тетя Галя, мама и Алиса стояли в растерянности (сорочонок же в руках Алисы совсем затих, успокоился).

И вдруг Алиса вспомнила:

— Мама, мама! Я ведь сама могу поднять птенчика в гнездо. Я ведь умею лазить по деревьям.

— Как умеешь? Ты чего придумала!

— Да, умею, — с настойчивостью сказала Алиса, — когда два года назад я летом жила у бабушки, меня научили лазить по деревьям мой двоюродный брат Вася и его сестра Марина. И бабушка помогла. Говорили, что я как обезьянка.

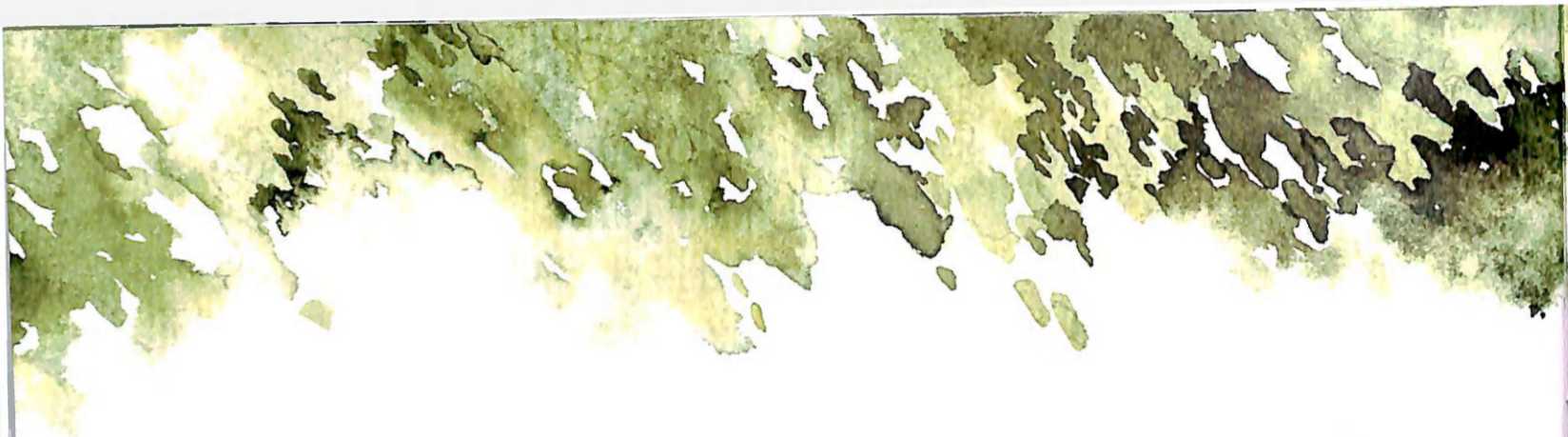
Алису неожиданно поддержала тетя Галя:

— Да, Алиса умеет лазить по деревьям. А у меня на всякий случай есть альпинистская страховка.

Мама внимательно посмотрела на тетю Галю, помолчала и потом сказала:

— Ну, если так, давайте попробуем.

А Алиса подумала тем временем: «Откуда это у тети Гали альпинистская страховка? И не от своих ли альпинистских занятий она раньше тяжело заболела? Не тогда ли с ней что-то случилось? И вообще откуда она знает, что я

умею лазить по деревьям? Я, кажется, здесь ничего не демонстрировала...».

Алиса надела плотную и широкую джинсовую куртку. Крепко затянула пряжку внизу и до самого верха (так, что стянуло шею) застегнула все пуговицы. Тетя Галя надела на нее широкий пояс с карабином, показала, как нужно отцеплять страховочную веревку и, перекинув ее через очередную надежную ветку, вновь прицеплять веревку («Я буду стоять на страховке. Тут все надежно», — сказала она).

Сорочонок было запищал, когда Алиса заталкивала его под куртку за пазуху, но тут же прижался к девочке («Наверное, за маму меня признал») и затих, не подал звука и не шелохнулся всю дорогу наверх.

Алиса же, подхватив страховочную веревку, быстро по лестнице забралась на крышу дома, оттуда осторожно перепрыгнула на дерево и, зацепив страховку за толстую ветку (а затем за другую, выше расположенную), не мешкая начала карабкаться все выше и выше. Прошло совсем немного времени и Алиса, к изумлению мамы и тети Гали, оказалась наверху дерева, под самым гнездом. Там она осторожно достала из-за пазухи птенца (он стал громко пи-

щать, по сорочьи покрикивать) и перенесла его, протянув руку с сорочонком вверх, в гнездо, к другим птенцам. Кто-то из них раза два больно клюнул ее в руку.

Когда Алиса спустилась с дерева вниз (мама и тетя Галя радостно, с одобрением похлопали ее по плечу: «Молодец!»), Алиса сняла ремень с карабином, отцепила страховочную веревку. Стряхнула с себя зацепившиеся за одежду веточки и листочки. Даже подпрыгнула. И все они — тетя Галя, мама, Алиса, сели на крыльцо, внимательно, не отрывая глаз, вглядываясь в вершину дерева, туда, где гнездо, — что же происходит там?

НЕОЖИДАННО из гнезда послышались какие-то звуки, сорочьи тревожные крики (даже само гнездо слегка закачалось). И тут тетя Галя, мама и Алиса замерли — из гнезда часто взмахивая крыльями, выпрыгнула птица. Она, все чаще трепеща крыльями, на какое-то мгновение будто замерла в одной точке. А затем стала медленно опускаться вниз, даже слегка спланировала. Но здесь, как было видно всем, силы оставили птицу. На небольшой высоте от земли, она стала падать вниз и упала, плюхнулась на землю, на траву.

— Да это же наш сорочонок! — закричала Алиса и стремглав бросилась к упавшей птичке. Подбежали и тетя Галя с мамой.

Птичка лежала неподвижно. С закрытыми глазами. Не разбилась ли она совсем? Алиса встала на колени и осторожно положила свою ладошку на тельце птенца. И все заметили, как после этого тельце сорочонка будто вздрогнуло, зашевелилась головка, приоткрылись глаза. Алиса подняла все еще тревожное, но слегка просветлевшее лицо...

В это время во двор быстро вошел сосед Виктор Павлович. Он, наверное, со своего участка наблюдал всю эту катавасию с упавшим птенцом и решил положить конец такому никчемному занятию. Он, не здороваясь ни с кем, сразу сказал командирским голосом:

— Да прекратите возиться с этой падалью! Одна зараза. Выбросьте ее за ограду, кошкам на обед.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Алиса вскочила на ноги, вся напряглась, лицо покраснело, стало жестким и она, глядя своими расширившимися глазами в глаза соседу, сказала очень твердо: «Нет, мы его не выбросим. *Он живой*».

Тетя Галя тоже посмотрела на соседа. Сказала также твердо: «Оставьте нас, пожалуйста, Виктор Павлович», — и повернулась к нему спиной.

Алиса тем временем взяла птичку в ладошки и вместе с мамой, которая поддерживала ее под локоть, пошла в дом. По дороге Алиса все думала: «Конечно, у них, сорок, могут быть свои, сорочьи дела, нам непонятные. Но все же наш сорочонок — настоящая птица, изо всех сил стремился стать ею. Он хотел как можно раньше подняться над

землей. Начать летать. Вырваться на простор. В небо. Несмотря ни на что...».

ВОЗНИ, конечно, с раненым сорочонком было много. Впрочем, к счастью, никакой особой раны у птенца не оказалось. Но он сильно ушибся. Наверное, отбил одно из крылышек: оно слегка отвисало.

Для сорочонка нашли большую и высокую плетеную корзину. Сверху — небольшая тюлевая занавеска. На дно корзинки Алиса положила мягкую травку, высокую чашечку для воды, пластмассовое блюдце для корма.

Уже к вечеру сорочонок немного оправился. Встал на ноги. Жадно выпил воду из чашечки. И стал без особого разбора клевать разный корм — ядрышки от семечек, небольшие катышки, слепленные из старой каши (Алиса даже нашла несколько маленьких червячков и гусениц и положила их в небольшой картонной коробочке рядом с блюдцем — они за мгновение исчезли). «Действительно, хищник», — слегка оправдывая сорочонка, подумала Алиса.

На второй день после всего случившегося, сорочонок сам выкарабкался на край корзинки и стоял там спокойно и гордо. Не пытался улететь или хотя бы спрыгнуть — ему было хорошо. В руки Алисе он давался охотно. Подолгу замирал в ее ладошках.

Мама и Алиса несколько раз выносили корзину из дома, снимали тюлевую занавеску и как бы предлагали — пожалуйста, можешь улетать. Но сорочонок только (и все увереннее) широко взмахивал крыльями, как бы проверяя их надежность, но ни разу даже не взлетел. Наверное, он сам понял, что ему еще рано до полетов. «Ты смотри Алиса,

— говорила мама — у него еще не все перышки выросли. Он еще по-настоящему *не оперился*».

Но дело приближалось к отъезду. Притом, надо было ехать от тети Гали в город на поезде с ночевкой.

— Ничего, — сказала Алиса, — поедет с нами в корзине. Наберем еды, воды и он никому не мешает, ведь я буду рядом с ним. И действительно, в поезде сорочонок вел себя очень тихо, ни разу не пискнул. Он даже — и это видели все, — слушался Алису. Когда в купе вошел проводник, Алиса положила на сорочонка руку, и тот смотрел из-под руки на вошедшего большого дядю спокойно, дружелюбно. Проводник посмотрел на птенца, улыбнулся и ушел, не сказав ни слова.

ИЗ ГОРОДА Алиса сразу же увезла сорочонка на дачу, к бабушке. Там еще отдыхал ее двоюродный брат Вася. Он, конечно же, тотчас согласился присмотреть за сорочонком. Помогла ухаживать за птенцом и бабушка (к ней сорочонок тоже охотно шел в руки). Бабушка натолкла мелкий порошок из яичной скорлупы, подмешивала его во всякую еду которую давала сорочонку («Пусть его косточки лучше растут»), давала ему творожок, сметану.

Когда Алиса уезжала, сорочонок, который уже вполне «оперился», громко, по-сорочьи закричал. Пришлось ба-

бушке взять его в руки и вместе с Васей поглаживать по спинке, успокаивать. Но Алиса, удаляясь от дачи, еще долго слышала его жалобные вскрики.

Как потом рассказали бабушка и Вася, сорочонок (который стал уже настоящей, пусть и молодой птицей, сорокой) улетел. Куда улетел, никто не знает. Только два года спустя, когда Алиса приезжала навестить заболевшую бабушку, она увидела, что недалеко от дачного дома, у маленького озерка образовался на высоких деревьях шумный, крикливый сорочий базар. Такой же, пусть и поменьше, как и у пригородного озера.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЫШОНОК	3
СИНИЧКИ	14
АЛИСА В КРАЮ БОБРОВ	30
СОРОЧОНОК.....	41

Главная героиня рассказов – девочка Алиса. Наблюдая за окружающим ее миром, она учится отличать плохое от хорошего, узнает что такое настоящая дружба, начинает понимать что есть извечные ценности, без которых человеку не обойтись.

Книга предназначена для семейного чтения, располагает к дальнейшему обсуждению прочитанного с детьми.

Автор, Сергей Сергеевич Алексеев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Художник Т. Калинина.

Подписано в печать 25.11.03. Формат 60x90¹/₈.
Бумага для ВХИ. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 2500 экз. Заказ № 721.

ISBN 5-85383-256-5
ГИПП Уральский рабочий
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов

